

УДК 94(4/9)

ГВЕЛЬФИЗМ КАК ОСНОВА КОММУНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (на примере Флоренции XIV–XV веков)

И. А. Краснова

Краснова Ирина Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, gorward_@mail.ru

Статья посвящена проблеме значения гвельфизма как элемента идеологии в коммунальном обществе Флоренции XIV–XV вв. Гвельфизм рассматривается как комплекс коллективных установок флорентийских граждан, выражающих их идентичность с церковью и католическим правоверием, с одной стороны, а также с коммуной Флоренции, с другой. На примере аутентичных высказываний представителей городского социума показано значение гвельфизма как важнейшего регулятора внутри- и внешнеполитических процессов в сознании горожан, как основного принципа единства и сплоченности флорентийской коммуны: «Мы – гвельфы!». В статье ставится проблема отсутствия тождества между партией гвельфов как властным институтом города-государства и гвельфизмом, формирующим на повседневном уровне совокупность представлений о коммунальной идентичности, включая и устойчивые образы исторической памяти.

Ключевые слова: гвельфизм, гибеллинизм, партия гвельфов, флорентийское общество, город-коммуна.

Guelphism as the Basis of Communal Identity (on the Example of Florence of XIV–XV Centuries)

I. A. Krasnova

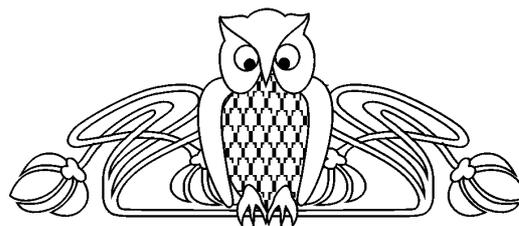
Irina A. Krasnova, <https://orcid.org/0000-0003-4951-6609>, North-Caucasus Federal University, 1, Pushkin Str., Stavropol, 355009, Russia, gorward_@mail.ru

The article is devoted to the problem of importance of Guelphism as an element of ideology in the communal society of Florence in the 14th-15th centuries. Guelphism is viewed upon as a complex of collective attitudes of Florentine citizens, expressing their identity with the church and Catholic faith, on the one hand, and with the commune of Florence, on the other. On the example of authentic statements of the urban society representatives, the value of Guelphism as the most important regulator of internal and external political processes in the minds of the citizens as the main principle of unity and cohesion of the Florentine commune is shown: "We are the Guelphs!" The article poses the problem of the lack of identity between the Guelph party as the authoritative institution of the city-state and Guelphism, which formed on a daily basis a set of representations about communal identity, including stable images of historical memory.

Key words: guelphism, ghibellinism, Guelph party, Florentine society, city-commune.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-451-457>

Флорентийская республика в отличие, например, от Милана, где ориентация часто меня-

лась в зависимости от сменяющей одну за другой партийности правящих фамилий или лиц, с 1267 г. твердо придерживалась гвельфской идеи, а партия гвельфов, переставшая существовать в городе на Арно только в 1768 г., оказалась самой долговечной из всех коммунальных структур. Однако следует сразу в некоторой степени развести понятия «гвельфская партия» и «гвельфизм». Партия гвельфов переживала разные этапы за время своего господства в городе на Арно. С 1267 по 1358 г. постоянно возрастали ее могущество и авторитет, достигнув апогея в 1358 г., когда капитаны партии добились принятия закона о том, что партийные руководящие структуры могут автономно, без вмешательства коммунальных органов управления любого гражданина заподозрить или обвинить в гибеллинизме. Диктаторские тенденции в деятельности партии продолжались и усиливались до 1378 г., но вместе с этим крепла оппозиция в отношении «архигвельфов», заправил в руководстве партии, которых более всего обвиняли в репрессивных санкциях против граждан. Противостояние архигвельфов и общества привело к социальным потрясениям, известным как «восстание чомпи», и установлению режима «тощего народа» (1378–1382), а лидеры партии были высланы или казнены. В 1382 г. вследствие нового государственного переворота оставшиеся архигвельфы вернулись в город, но партия больше не добилась того объема политической власти, какой имела с 1358 по 1378 г., хотя по-прежнему оставалась одной из важнейших и влиятельных структур во Флоренции. Столь пространный вводная часть понадобилась, чтобы констатировать, что на всех этапах граждане всегда считали себя гвельфами, и неизменно оставались преданны идеям гвельфизма.

Такая верность гвельфским традициям – притом, что отношение к партии, несомненно, менялось в представлениях граждан, но лозунг «Мы – гвельфы!» оставался постоянным на протяжении, по крайней мере, 200 лет, – сама по себе заслуживает пристального внимания историков.

С начала XIX в. до нашего времени исследователи высказывали и обосновывали множество предпосылок столь явного партийного постоянства флорентийцев. Они указывали на социально-экономическое значение партии, являющейся автономным финансовым институтом за счет права распоряжаться конфискованных имуществом гибеллинов¹. Отмечалась и

политическая сила этой мощной структуры, обладающей самостоятельными органами управления и установившей собственные внешние связи с папским двором, Анжуйской династией и суверенами-гвельфами. В сфере политической мысли в первой половине XIV в. заметна тенденция к формированию образа короля-гвельфа как надежного союзника, справедливого арбитра и гаранта флорентийской свободы. В частности, доминиканский проповедник Ремиджо Джиролами (ум. 1319/1320) на рубеже XIII–XIV вв. старался придать идеологическое обоснование тому почтению к Анжуйским суверенам, особенно к «корлю-гвельфу» Роберту I (1309–1343), которое должны были испытывать флорентийцы. Он презентовал их как добрых монархов, а не тиранов, друзей Флоренции, опору всех гвельфов Италии, наконец, идеальных синьоров Флоренции, уподобляя Роберта I Христу как истинному правителю Вселенной². Все вышеизложенное доказывает, что в первой половине XIV в. автономный статус гвельфской корпорации был прочным и общепризнанным, а привилегии ее – обширными и прочно удерживаемыми.

Вопрос об идеологической функции гвельфской партии в городском социуме был поставлен еще в середине XIV в. знаменитым юристом Бартоло Сассоферрато. Он демистифицировал противоречие между гвельфами и гибеллинами в своем труде «Tractatus de guelphis et gebellinis» (1355), объявляя, что эти партии в реальности «не имели отношения ни к Церкви, ни к империи, но только к тем фракциям, которые находились в какой-либо провинции или городе»³. Дискуссия о том, можно ли считать гвельфизм идеологией флорентийского общества или же он выражал лишь противоречия между семейными кланами, продолжается и по сей день⁴.

Поневоле напрашивается вывод о том, что гвельфская партия во Флоренции представляла собой идеологическую «пустышку». Но будет ли он правомерным? Идеологическими постулатами гвельфизма относительно флорентийской коммуны можно считать два положения: идентичность партийной ориентации с истинным правосудием и тенденцию к тождеству между принадлежностью к гвельфской партии и, следовательно, к коммунальному сообществу Флоренции.

Не углубляясь в суть дебатов об идеологическом значении гвельфизма, в рамках данной статьи хотелось бы поставить целью освещение той роли, какую он играл в ментальных установках обыденного сознания флорентийских граждан.

По мере того как после 1267 г. гвельфизм окончательно победил во Флоренции, а гибеллинские семьи были изгнаны, принадлежность к гвельфской партии, дающая право считаться гвельфом, стала важнейшим символом соци-

альной эскалации. Например, представители незнатного и безвестного, но стремящегося возвыситься в первой половине XIV в. рода Каstellани⁵, хотели сблизиться с видными функционерами и капитанами партии, начиная с 1329–1330 гг. И хотя в списках капитанов партии 1354–1363 гг. фамилия Каstellани не фигурировала, матримониальные акты этой семьи начиная с 60-х гг. не оставляли сомнения в том, что представители рода целенаправленно действовали в целях укрепления связей с партийной олигархией посредством брачных союзов⁶. Со второй половины XIV в. представители этой фамилии стали занимать высшие посты в партийном руководстве: Микеле де Каstellани стал гонфалоньером партии, но особенно прославился на этом поприще его сын Ванни ди Микеле Каstellани⁷. С 80-х гг. XIV в. носители этой фамилии играли почетную роль в торжественных церемониях партии: им постоянно доверяли носить партийное знамя во время торжественных церемоний⁸.

Партийное членство играло существенную роль в XIV в., если учесть, что большая часть горожан, занимающих коммунальные посты, была членами гвельфской партии. Практически во всех мемуарах и семейных хрониках второй половины XIV–XV вв. авторы обязательно подчеркивали партийную принадлежность своих предков, гордясь гвельфскими корнями. Бонаккорсо Питти, хотя и весьма сдержанно, однако не преминул указать, касаясь истоков рода, что «мы, Питти, являясь гвельфами, были изгнаны из Симифонте гибеллинами, которые там правили»⁹.

Его современник Джованни Морелли с гордостью писал, что его прадед Морелло был изгнан за верность гвельфской партии, на защиту которой он выступил с оружием в руках, как полагалось «истинному и честному гвельфу». Он был осужден и выслан в Ареццо. В середине XIV в. один из главных функционеров партии Лапо ди Кастильонкьо, «великий гражданин, очень любимый всеми гвельфами», в память подвигов прадеда поспособствовал возобновлению членства семьи Морелли в рядах гвельфов, публично огласив полученные из Ареццо подтверждающие свидетельства перед коллегией капитанов партии, которые проголосовали за вступление «Морелли» в ряды партии. С этим фактом Джованни связывает прозвание рода: Морелли по имени доблестного предка-гвельфа Морелло, а кроме того, по принадлежности фамилии к победившей во Флоренции в 1302 г. партии черных гвельфов.

Партия стремилась выступать хранительницей католического правосудия, «под покровительством и охраной святой католической Церкви» ведя последовательную пропаганду. Почти все жители города на Арно желали идентифицировать себя, как «верных и благочестивых в от-

ношении Святой Церкви, любящих народ, комму, свободу города Флоренции и гвельфскую партию»¹⁰. Это подчеркивается во всех законодательных документах, касающихся партии. Преамбула к партийным статутам 1335 г. напоминает, что партия и все гвельфы – приверженцы Св. Церкви, чтящие ее и уважающие, истинные последователи святейшего отца и его братьев-кардиналов: «Почитаемому и милосердному Господу и его блаженной Матери, всем Святым и святой Римской Церкви и самому святейшему отцу и господину папе Бенедикту XII и его преемникам и его кардиналам. С восторгом и славой пречестнейшему принцу Роберту, королю Иерусалимскому и Сицилийскому, величия и процветания пополам и коммуне Флоренции и ее магистратам; сохранения и роста гвельфской партии, и тем, кто предан Святой Церкви и ее друзьям, и крушения всех их врагов»¹¹. В партийной пропаганде постоянно акцентировалась роль гвельфской фракции как медиатора между истинной Св. Церковью и ее главами, с одной стороны, и Флорентийской коммунной – с другой, поскольку «действия партии направлены к доброму состоянию и покою Коммуны и народа Флоренции, ибо партия составляет одно целое с Коммуной и народом Флоренции»¹². Как влияли эти официально пропагандируемые постулаты на флорентийских граждан?

Уже упомянутый Джованни Морелли даже несколько назойливо повторял о своей лояльности в отношении партии, отождествляя ее с верностью католической церкви: «Особенно с великим благоговением я жажду обнять святую католическую Партию гвельфов, которую поддерживает Господь, которой покровительствует Святая Церковь». В дальнейшем тексте хроники Джованни Морелли гордился тем, что его родственники роднятся с древними и благородными гвельфскими родами» (например, Баньези)¹³.

Грегорио Дати, современник Морелли, явно идентифицировал гвельфизм с преданностью «святой матери нашей Церкви» и коммунальной свободе: «... Я скажу тебе, что названия «гвельф» и «гибеллин» точно неизвестно откуда взялись; есть много мнений, которые кажутся баснями... Смысл же состоит в том, что гибеллины по духу служат императорам и синьорам, а гвельфы по духу привержены к Святой Церкви и свободе. Поэтому флорентийцы принадлежат к гвельфской партии». Он также объединял в одно целое верность церкви, гвельфизм и коммунальную идентичность, олицетворявшую свободу и единство сообщества: «Флорентийцы усиливались с помощью Святой Церкви... и всегда помогали защищать свободу Святой Церкви против тех императоров и королей, которые желали ее узурпировать; пастыри Святой Церкви и ее правоверные всегда получали помощь от флорентийцев в деле защиты ее свободы... флорен-

тийские фамилии едины, все они рождались и жили с гвельфским духом более, чем в каком-либо городе..., из тех, которые сегодня имеются в Италии»¹⁴. Флорентийского купца и хрониста в данном случае уже не интересует точный смысл названия «гвельфы» и «гибеллины», противостояние универсалистских начал он явно проецирует только на Флоренцию.

Таким образом, видно, насколько органично сознание флорентийских граждан отождествляло Коммуну Флоренции и святую католическую церковь с партией гвельфов.

Идентичность с партией гвельфов выражалась и на уровне семейных кланов. Если члены одного клана придерживались гвельфской ориентации, то они обязательно отражали это в уставе своей консортерии. Примером может служить устав консортерии Строчи, принятый в 1350 г.: «...Все мы объединены, как родственники, соседи и друзья единым духом, являясь правоверными членами Святой Церкви, сторонниками народа, Коммуны, свободы Флоренции и Партии гвельфов»¹⁵. Но были и другие не менее важные обстоятельства, приводящие к преобладанию этой структуры не только в политической жизни республики на Арно, но и в выражении коллективной и индивидуальной идентичности граждан¹⁶.

Флорентийцы в своем обыденном сознании демонстрировали преданность партии и гвельфизму особенно в установках, связанных с оценками проводимой республикой политики. Джованни Виллани неизменно осуждал правление гибеллинов и подчеркивал, что при гвельфах Флоренция быстро достигала процветания. В его представлении гвельфская партия выглядела как оплот флорентийской свободы и предпосылка формирования системы коммунального народовластия, а первое народное правление в 1250 г. возникло как попытка противостояния тирании гибеллинов. Поскольку «народ Флоренции в душе склонялся более к гвельфам, нежели к гибеллинам», в целях сопротивления гибеллинам в 1266 г. появились цеховые структуры, осуществляющие коммунальное правление, – институт цеховых консулов, затем были избраны «12 добрых людей» и Совет 100, в которых усилилось представительство цехов. С гвельфизмом хронист связывал и создание второго народного правления в 1282 г.: «Из-за того, что гвельфы косо смотрели на гибеллинов, состоящих в комиссии 14», они распустили ее и основали во Флоренции приорат: «зачинщиками этого нововведения были граждане, которые являлись... преданными сторонниками гвельфской партии и Святой Церкви»¹⁷. Так закладывались в сознание идеи о том, что гвельфизм – оплот и исток флорентийского народовластия.

Донатто Веллутти, младший современник знаменитого хрониста, имел должности в партии и объявлял себя истинным гвельфом. Даже борясь

в 60-е гг. XIV в. против засилья капитанов гвельфской партии, он был убежден в том, что определение курса флорентийской политики – внутреннее дело гвельфов, и безоговорочно осуждал гибеллинизм во всех его проявлениях¹⁸. Хронист Маттео Виллани, выражая свою позицию по отношению к гвельфизму и не уставая бичевать «архигвельфов», брал более широкий масштаб и рассматривал партию гвельфов и гвельфизм как оплот свободы всей Италии: «И на самом деле партия гвельфов является фундаментом и надежной основой свободы Италии, противостоит тиранам... Большое благо нашей коммуны прирастало и поддерживалось благодаря гвельфской партии»¹⁹. Гвельфизм в сознании граждан представлялся гарантом коммунальной свободы.

Около двухсот лет республике на Арно действительно приходилось отстаивать свою независимость от агрессивной воинственной и разбойного гибеллинского рода Убальдини. Джованни Морелли не случайно разражался славословиями в адрес партии, когда речь заходила о «проклятом семени Убальдини»²⁰. Ему вторил более поздний хронист (вторая половина XV в.) Бартоломео Черретани²¹.

Грегорио Дати в начале XV в. представлял гвельфизм как одну из добродетелей флорентийских граждан, как великую историческую миссию защиты церкви и Италии от бремени императорской власти²². Для этого хрониста гвельфизм являлся основным принципом разделения на «своих» и «чужих», посредством которого он обосновывал территориальную экспансию Флоренции в конце XIV – начале XV в., в частности, оправдывал захват Ареццо коммуной Флоренцией в 1384 г.²³ Тот же самый аргумент санкционировал завоевание Пизы, главного врага Флоренции: «великую ненависть», которую пизанцы питали к флорентийцам, этот горожанин объяснял не только завистью в отношении экономического процветания Флоренции, но и тем, что пизанцы «держались противной нам партии: флорентийцы были главой партии гвельфов в Италии и следовали под знаком Святой Церкви, тогда как пизанцы являлись главой гибеллинской партии в Италии, сторонниками имперской власти, и всегда следовали за Империей против Святой Церкви»²⁴.

Все вышеназванные граждане являлись представителями высших и средних слоев городского населения. Однако «тощий народ» имел такую же партийную ориентацию, насколько можно реконструировать их восприятие гвельфизма и гвельфской партии по косвенным данным нарративных источников. Члены младших цехов, считая себя «истинными гвельфами», неизменно поддерживали любое антигибеллинское законодательство²⁵. Большинство флорентийцев принимало точку зрения партии, состоящую в том, что именно она являлась для города главным жизненным нервом, связую-

щим со славным прошлым, и рассматривалась как хранительница Флорентийской коммуны. Некий анонимный хронист, условно обозначаемый «Сквиттинаторе», близкий к чомпи, выходец из городских низов, явно не имеющий за плечами никакой консортерии с гвельфской или гибеллинской ориентацией, продемонстрировал эмоции, связанные с партийной принадлежностью. Считая себя истинным гвельфом, он был крайне возмущен тем, что Синьория сентября – октября 1378 г. сделала гвельфами гибеллинский род грандов Азини, которые, опасаясь за себя и свое имущество, стремились сблизиться с народным режимом. На страницах своего *Diario* (Дневника) Сквиттинаторе изливал свои чувства: «Азини всегда были гибеллинами... Когда шел германский император в Сен Сальви с гибеллинскими силами, то они везли на своих ослах много припасов для него, и за это прозваны были «ослы – враги гвельфов» (ит. *asino – осел*). А теперь их сделали гвельфами и они получили все должности, как гвельфы! Как мог Господь допустить, чтобы нами правили гибеллины!»²⁶

Гвельфизм оставался воплощением коммунального патриотизма и единства в исторической памяти флорентийских граждан. Бартоломео Черретани во второй половине XV в. писал о том, что даже в первой половине 70-х гг. XIV в. в разгар репрессий, творимых «архигвельфами», «в большом количестве душ оставалась любовь к партии из страха перед сектами граждан»²⁷, то есть в партии, по его мнению, видели оплот единства флорентийского общества, гарант целостности, способный противостоять постоянной вражде семейных кланов. Проявления антагонизма между гвельфской партией и обществом, как видим, налицо, как и беспокойство флорентийского гражданина о чистоте партийной крови.

Образы героической борьбы гвельфов против гибеллинов формировали историческую память флорентийцев. Хронист прославлял мессера Якопо дель Накка, «мужа великой доблести из флорентийского рода Пацци»²⁸, который предводительствовал отрядом ополчения в битве при Монтеперти (1260) и нес знамя народа Флоренции. Джованни Виллани передавал этот эпизод весьма лаконично: «Изменник мессер Бокка дельи Абати²⁹, стоявший рядом с... Якопо дель Накка, напал на него и мечом отсек руку, в которой тот держал штандарт»³⁰.

Далее начался процесс конструирования образа героя-гвельфа: при переходе из одного исторического повествования в другое добавлялись некоторые усиливающие его детали³¹. В 40-е гг. XV в. хронист Джованни Кавальканти, мало считаясь с правдоподобием, еще больше сгустил краски, усиливающие героизацию и трагизм образа Якопо де Пацци: «... Указанный рыцарь храбро защищал знамя...» Когда «мес-

сер Бокка отрубил руку, держащую знамя», мессер Якопо перехватил знамя другой рукой, которую «Бокка также отрубил почти по плечо, ... и он умер, зажав знамя своими обрубками так крепко, что после смерти никак невозможно было вытащить знамя из его рук. Не только живым, но и мертвым защищал его отважный рыцарь»³².

О том, что гвельфы оставались для Джованни Кавальканти «своими», можно судить и по эпизоду прославления такого героя, как Вьери де Черки, проявившего «несравненную стойкость» в противостоянии «наших гвельфов» силе всей партии гибеллинов не только из Флоренции, но и из других коммун под Чертомондо в 1289 году³³. Разумеется, для Джованни Кавальканти во второй половине XV в. гвельфизм в некоторой мере утратил свое значение как идеологическая максима, но остался ценностью, выразившейся в конструировании исторической памяти: носителями доблести для него неизменно оставались гвельфы. Так складывался в городской хронистической традиции образ доблестного героя-гвельфа.

Можно с определенной долей достоверности предположить, что гвельфизм признавался универсальной догмой, приобретающей в обыденном сознании значение символа патриотизма и лояльности по отношению к своему государству, отождествлялся с ортодоксальным католицизмом и верностью ценностям коммунального общества. Гибеллинизм же, напротив, приобретал значение чуждого начала, враждебного флорентийскому государству. Какие реальные основы имелись для укоренения в умах флорентийцев ментальных установок преданности и лояльности гвельфской партии?

Учитывая вышесказанное, вряд ли можно расценивать гвельфизм как унаследованное от прошлого столетия, утратившее свою ценность обветшавшее знамя, набор пышных, но пустых риторических формул. Флорентийцы не идентифицировали себя с вождями гвельфов в общегвельфском масштабе. Представления о верности именно апостолическому престолу, не говоря уж об отдельных папах, чужды их сознанию. Война с папским престолом (1375–1378) в период наивысшего господства гвельфской партии в городе – убедительное тому подтверждение. В сознании граждан республики за столетие борьбы против гибеллинов сформировался комплекс устойчивых стереотипов, в которых гвельфизм выступал как гарант единства общества, исток народовластия, символ коммунального патриотизма и католической ортодоксии.

Примечания

¹ См.: *Ottokar N.* Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. Torino, 1962. P. 48 ; *Raveggi S.* Il regime ghibellino // *Ghibellini, guelfi e popolo grasso* : i detentori

del potere politico a Firenze. Firenze, 1978. P. 46–47 ; *Tarassi M.* Il regime guelfo // *Ghibellini, guelfi e popolo grasso*. P. 97.

² См.: *De Matteis M. C.* La “teologia politica comunale” di Remigio Girolami. Bologna, 1977 ; *Boyer J.-P.* Florence et l’idée monarchique. La prédication de Remigio dei Girolami sur les Angevins de Naples // *La Toscane et les Toscans de la Renaissance. Mélanges offerts à de C.-M. de la Roncière*. Aix-de-Provence, 1999. P. 363–364, 366–368, 373–374.

³ *Bartolo da Sassoferrato.* Studi e documenti per il VI centenario : in 2 vols. Milano, 1962. Vol. II. P. 355. См. в этом же издании: *Marongiu A.* Il regime bipartitico nel trattato sui guelfi e i ghibellini // *Bartolo da Sassoferrato.* Studi e documenti. Vol. II. P. 333–342.

⁴ Вопрос об идеологической роли партии до сих пор остается спорным. Взгляды итальянского историка Дж. Табакко противоречивы. По его мнению, с конца XIII в. названия «гвельфы» и «гибеллины» выражали острую борьбу местных группировок, но в то же время с идеологической точки зрения они «почти превратились в пустую фигуру речи, символизирующую локальное единство и выражающую форму жесткого разделения между враждебными фракциями», вместе с тем, в целом он все же не отрицает значения гвельфизма как идеологии во второй половине XIII – до конца XIV в., которая «носила сложный составной характер, а именно папский, франко-анжуйский и республиканский одновременно» (*Tabacco G.* Egemonia sociali e strutture del potere nel medioevo italiano. Torino, 1979. P. 318, 339–340). Американский историк Брукер отрицал идеологический смысл гвельфизма: «...гвельфизм превратился в массовый, бессмысленный, слюнвявый патриотизм, лишенный какого-либо идеологического содержания или значения» (*Brucker G.* Florentine Politics and society. 1343–1378. Princeton, 1962. P. 88, 302). Серджи Раведжи полагал, что с последней четверти XIII в. какой-либо идеологический смысл гвельфизма и гибеллинизма, если он и имел место изначально, уже был утрачен : «В действительности фракции гвельфов и гибеллинов вытекали из внутренних противоречий и конъюнктур между фамилиями и консортериями, уже соперничавшими ; стремление интерпретировать их в ключе универсалистских идеологий есть, если не ошибочное, то представляющее собой апокриф... конкретный смысл разделения заключался в политической жизни Флоренции» (*Raveggi S.* Il regime ghibellino. P. 28). Лаура Де Анджелис, исследуя место партии гвельфов в обществе Флоренции конца XIV – первой трети XV в., оперирует термином «идеология» : «Партия гвельфов с момента вступления в отечество изгнанных гвельфов в 1267 г. осуществляла задачу сохранения гвельфской идеологии и контроля над каждой попыткой возрождения гибеллинской опасности». Исследовательница ссылаясь на «*Laudatio Florentine urbis*» Леонардо Бруни (*De Angelis L.* La Repubblica di Firenze fra XIV e XV secolo. Istituzioni e lotte politiche nel nascente stato territoriale fiorentino. Firenze, 2009. P. 30–31).

⁵ *Ciappelli G.* Una famiglia e le sue ricordanze. I Castellani di Firenze nel Tre-Quattrocento. Firenze, 1995. P. 21–23 ; 54–55. Дж. Чаппелли, исследователь истории этого

- рода, полагает, что само прозвание «Кастеллани» появилось только после 1339 г., когда представитель этой фамилии Ванни ди сер Лотто, активно скупавший дома в приходе Сан Пьеро Скераджо, приобрел среди прочих замок Кастелло д'Альтафронте, давший его роду новую фамилию.
- 6 *Ciappelli G.* Una famiglia e le sue ricordanze. I Castellani di Firenze nel Tre-Quattrocento. P. 22–23 ; 54–55. Микеле ди Лотто Кастеллани женился на дочери Бернардо Альберти и вступил в экономические контакты с видными функционерами партии. Свою дочь он выдал замуж за одного из Альдобрандини, сына Никколо женил на дочери Пьеро ди Филиппо дельи Альбицци, а сына Ванни – на дочери Беттино Рикасоли, что дало ему возможность породниться с членами партийной элиты.
 - 7 О роли Кастеллани в партии гвельфов см.: *Cronaca fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani.* A cura di N. Rodolico // *Rerum Italicarum Scriptores.* Città di Castello, 1903. Т. XXX. Parte I. Rubr. 795. P. 321–322 ; *Ciappelli G.* Op. cit. P. 26–28.
 - 8 *Diario di anonimo fiorentino (1382–1401)* / A cura di A. Molho e F. Sznura // *Alle bocche della piazza.* Firenze, 1986. P. 160.
 - 9 *Pummi B.* Хроника / пер. с ит. З. В. Гуковской ; под ред. М. А. Гуковского, В. И. Рутенбурга. Л., 1972. С. 7.
 - 10 Цитата из текста конституции гвельфской партии Флоренции XIV в.: *Missione di consorti Guelfi fiorentini, verso la à del secolo XIV // Le carte Stroziane del R. Archivio di Stato di Firenze / ed. C. Guasti. Serie I :* in 2 vols. Firenze, 1884. Vol. I. P. 98.
 - 11 *Statuto della parte guelfa di Firenze compilato nel MCCCXXXV // Giornale storico degli archivi toscani :* in 8 vols. Firenze, 1857. Vol. I. P. 4.
 - 12 Цит. по: *Guidi G.* Il governo della città-Repubblica di Firenze del primo quattrocento : in 3 vols. Firenze, 1981. Vol. II. Gli istituti «Di Dentro», che componevano il governo di Firenze nel 1415. P. 112.
 - 13 *Morelli G.* Ricordi / A cura di V. Branca. Firenze, 1956. 39a. P. 127 ; 39b. P. 132–134 ; 40a. P. 135 ; 40b. P. 139–140 ; 49a. P. 197 ; 51b. P. 209 ; 63a. P. 275 ; 64b. P. 282.
 - 14 *Dati G.* Istoria di Firenze di Goro Dati dall' anno 1380 all' anno 1405 / a cura di Luigi Pratesi. Norcia, 1904. P. 120–121.
 - 15 *Missione di consorti Guelfi fiorentini, verso la à del secolo XIV // Le carte Stroziane del R. Archivio di Stato di Firenze.* P. 98–100.
 - 16 Сестан писал : «Гвельфизм был эквивалентен флорентийскому патриотизму» (*Sestan E.* Il Comune nel Trecento [Firenze]. Firenze, 1953. P. 28–29). Монти указывал, характеризуя верность партии гвельфов со стороны хрониста Малиспини : «После 1250 г. слово гвельф стало синонимом христианина и доброго флорентийца» (*Monti A.* Les chroniques Florentines de la première révolte populaire à la fin de la Commune (1345–1434). Lille, 1983. P. 60).
 - 17 *Виллани Д.* Новая хроника, или История Флоренции / пер., ст. и примеч. М. А. Юсима. М., 1997. VI. 39. С. 157–158 ; VII. 15–16. С. 210–212 ; VII. 79. С. 216–217. Виллани так объяснял возникновение первого народно-го правления : «...Уберти и прочие знатные гибеллины тиранили народ своими вымогательствами, насилиями и несправедливостью», что, по его мнению, привело к восстанию граждан против их власти в 1250 г. и установлению первого народного правления «для защиты от насилий и злоупотреблений, чинимых гибеллинами» (Там же. С. 158).
 - 18 *Velluti D.* La cronica domestica scritta tra il 1367 e 1370. A cura di I. Del Lungo e C. Volpi. Firenze, 1914. P. 249. Эта двойственность очень заметна в его настроениях в период борьбы за оздоровление партии (60-е гг. XIV в.) : «Хотя мне нравилась идея изменить ее (партию) подобающим образом, мне казалось, что сделать это можно только волей всех гвельфов. Я напомнил о том, что все вещи, которые были в пользу гвельфов и одобрены ими, исполнялись, и советовал впредь следовать этому» (Ibid. P. 249).
 - 19 *Villani M.* Cronica // *Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani a miglior' lezione ridotte coll' aiuto del testi a penna corredate da una prefazione del professore Michell Sartorio :* in 8 t. Milano, 1848. Т. IV. Libro 8. XXIV. P. 35.
 - 20 *Morelli G.* Ricordi. P. 127.
 - 21 *Cerretani B.* Storia fiorentina / a cura di G. Berti. Firenze, 1994. P. 135. Он писал : «Все Убальдини пользовались любым осложнением... обстановки, чтобы вести за собой другие знатные фамилии гибеллинов, и чтобы досаждать нашей республике, воистину проявляя нрав и кровь гибеллинов» (Ibid. P. 135).
 - 22 *Dati G.* Istoria di Firenze. P. 105. Дати писал : «Когда король Апулии Манфред вел войну со Святой Церковью, пизанцы помогали королю, который был гибеллином и сыном Императора Фридриха Свевского, а флорентийцы и генуэзцы помогали Святой Церкви», отождествляя гвельфизм и церковь (Ibid. P. 105).
 - 23 Ibid. P. 31, 40. Дати заявлял : «Аретинцы благоприятствовали партии Гибеллинов, потому что партия Гвельфов управляла городом Флоренцией уже длительное время, ... и Господь пожелал, чтобы от их злобного замысла для них же проистекало зло...» (Ibid. P. 31).
 - 24 Ibid. P. 100, 103. Повествуя о поведении флорентийцев в захваченной Пизе, Дати отмечал, что прежде других были совершены ритуальные действия : «Реформировали город и землю под флорентийским знаком, устраняя гибеллинские знаки орла, и в этом месте помещая гвельфских львов и лилии...» (Ibid. P. 133).
 - 25 *Stefani M.* Cronaca fiorentina. Rubr. 674. P. 251.
 - 26 *Diario dello Squittinatore // Corazzini G. O. I Ciompi. Cronache e documenti.* Firenze, 1887. P. 54–55.
 - 27 *Cerretani B.* Storia fiorentina. P. 144. Джованни Виллани также видел в партии защитницу единства коммунального общества во время противостояния черных и белых : «Партия гвельфов, опасаясь, чтобы раскол не обратился на пользу гибеллинам, отправила ко двору папы Бонифация гонца с просьбой уладить ссору» (*Виллани Д.* Хроника. VIII. 39. С. 234).
 - 28 *Виллани Дж.* Новая хроника. VI. 78. С. 185.
 - 29 *Данте.* Божественная Комедия. Ад. Песнь 32, 79–112. «Предатель гнусный! В мире свой позор через меня навеки ты упрочишь».
 - 30 *Виллани Дж.* Новая хроника. VI. 78. С. 185.
 - 31 *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 123. P. 47.

³² *Cavalcanti G.* Il Trattato politico morale // *Grendler M.* The «Trattato politico morale» of Giovanni Cavalcanti. Geneve, 1973. P. 170–171.

³³ Ibid. P. 192–193, 201 ; Он писал о Вьери де Черки : «Мессеру Вьери было поручено призвать от сестеры Ворот Сан Пьеро наилучших бойцов. «Отменный кавалер» назвал в первую очередь самого себя, затем своих

сыновей и братьев, внуков и племянников. Этот герой принес, по мнению Кавальканти, победу в сражении, хотя «был очень богат», то есть никакой материальной необходимости служить коммуне не испытывал, кроме того «был стариком и имел кисту на ноге». За эту победу он и его родственники, числом 10 человек, были произведены в рыцари» (Ibid. P. 192–193).

Образец для цитирования:

Краснова И. А. Гвельфизм как основа коммунальной идентичности (на примере Флоренции XIV–XV веков) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 451–457. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-451-457>

Cite this article as:

Krasnova I. A. Guelphism as the Basis of Communal Identity (on the Example of Florence of 14th – 15th Centuries). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 451–457 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-451-457>
